

XVI

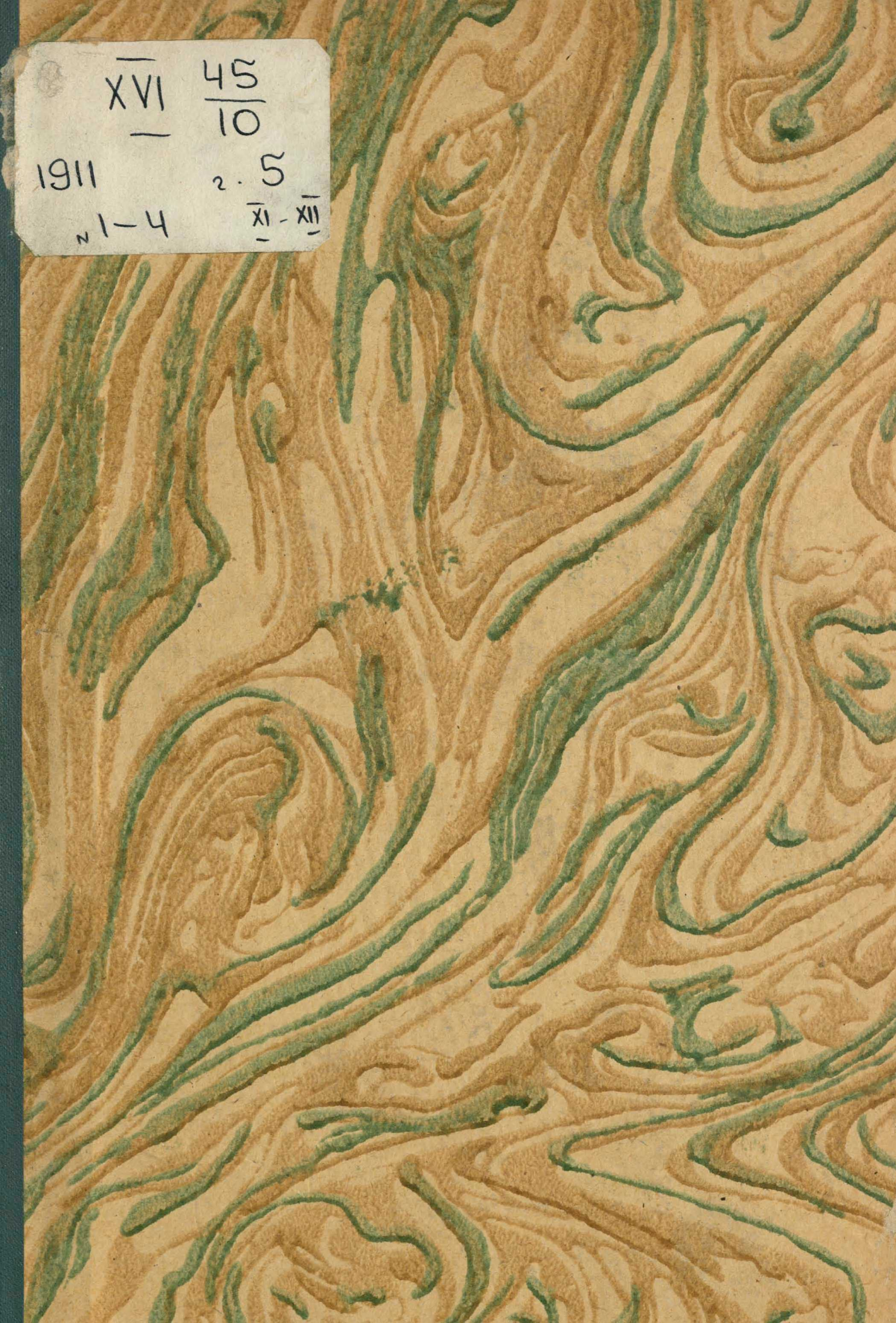
45
10

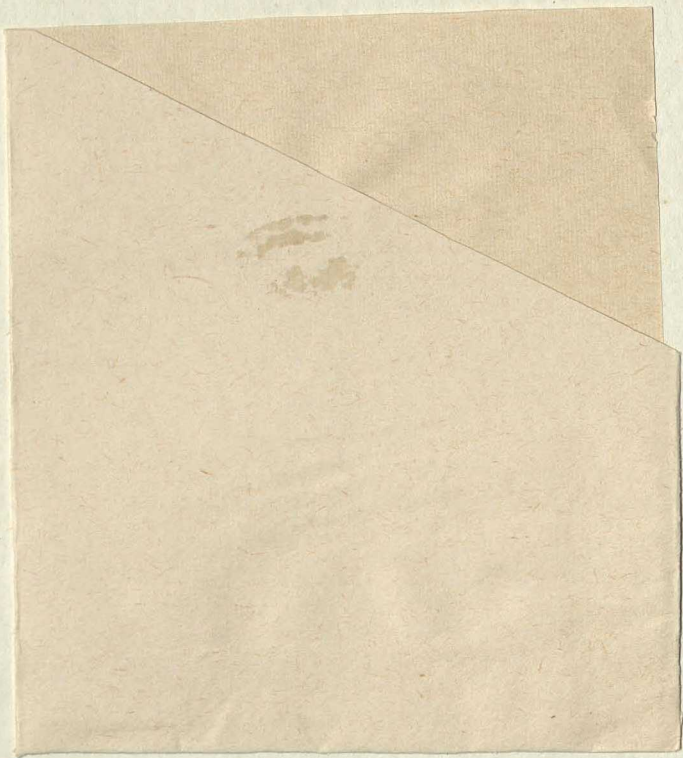
1911

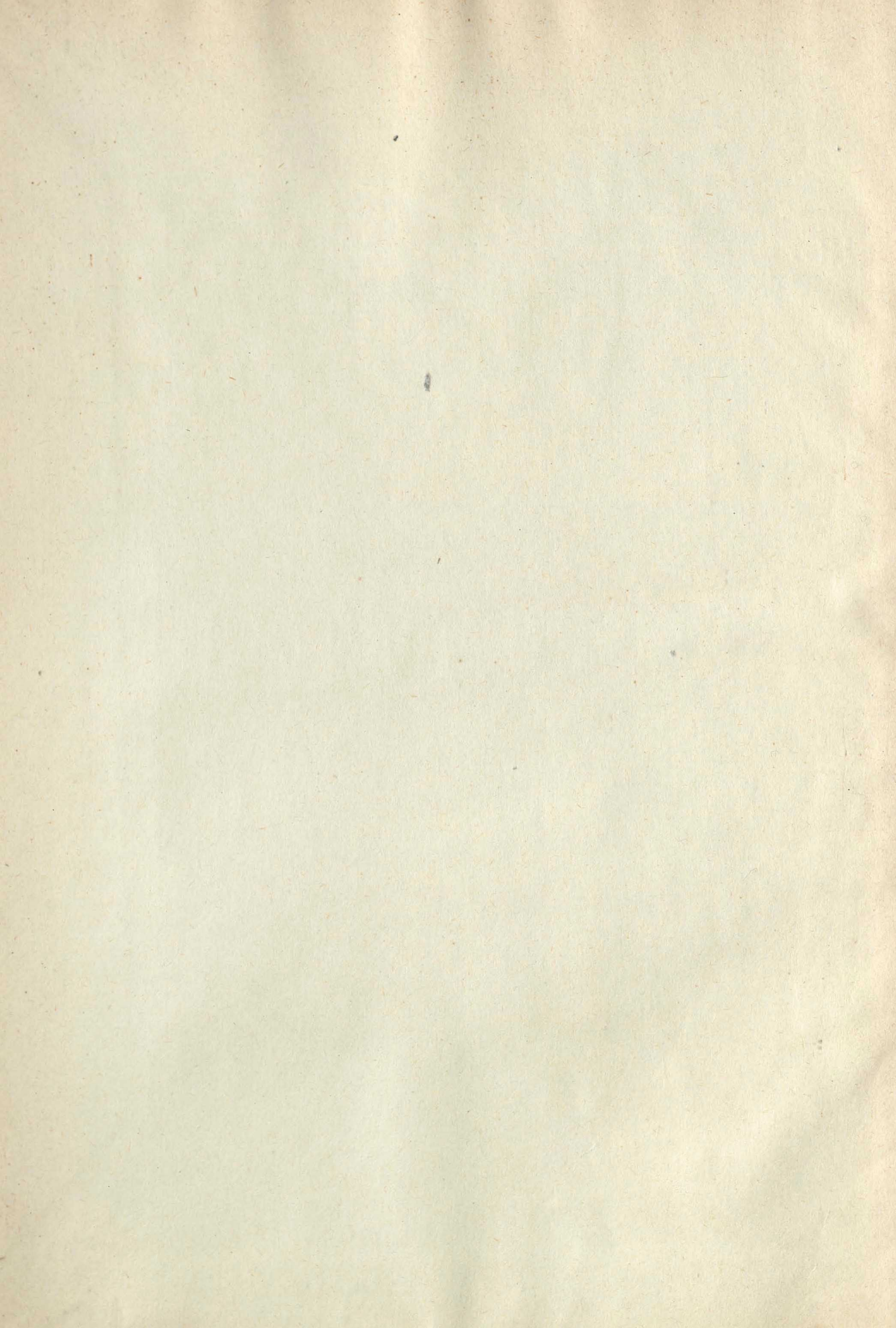
2.5

1-4

XI - XII

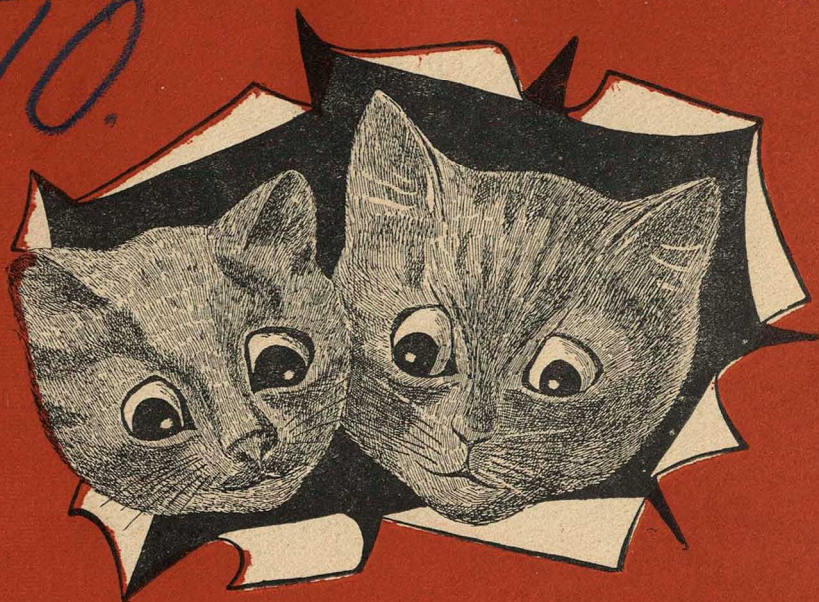
Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія
библіотеки городскихъ училищъ.

XII 10.
Годъ изданія пятый.

НОЯБРЬ.

№ 1.

1911.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЬ ДЛѢ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ГЛУБОКАЯ ОСЕНЬ.
ЛИСА-ПАТРИКЪЕВНА.
ОЗЕРО ВЪ ЛЪСУ.
БЫЛА ПОРА...
ПОДЪ ЗЕМЛЕЙ (повѣсть).
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Выкройка платья для дѣвочки.
Средне-дѣтскій геральдическій гербъ.

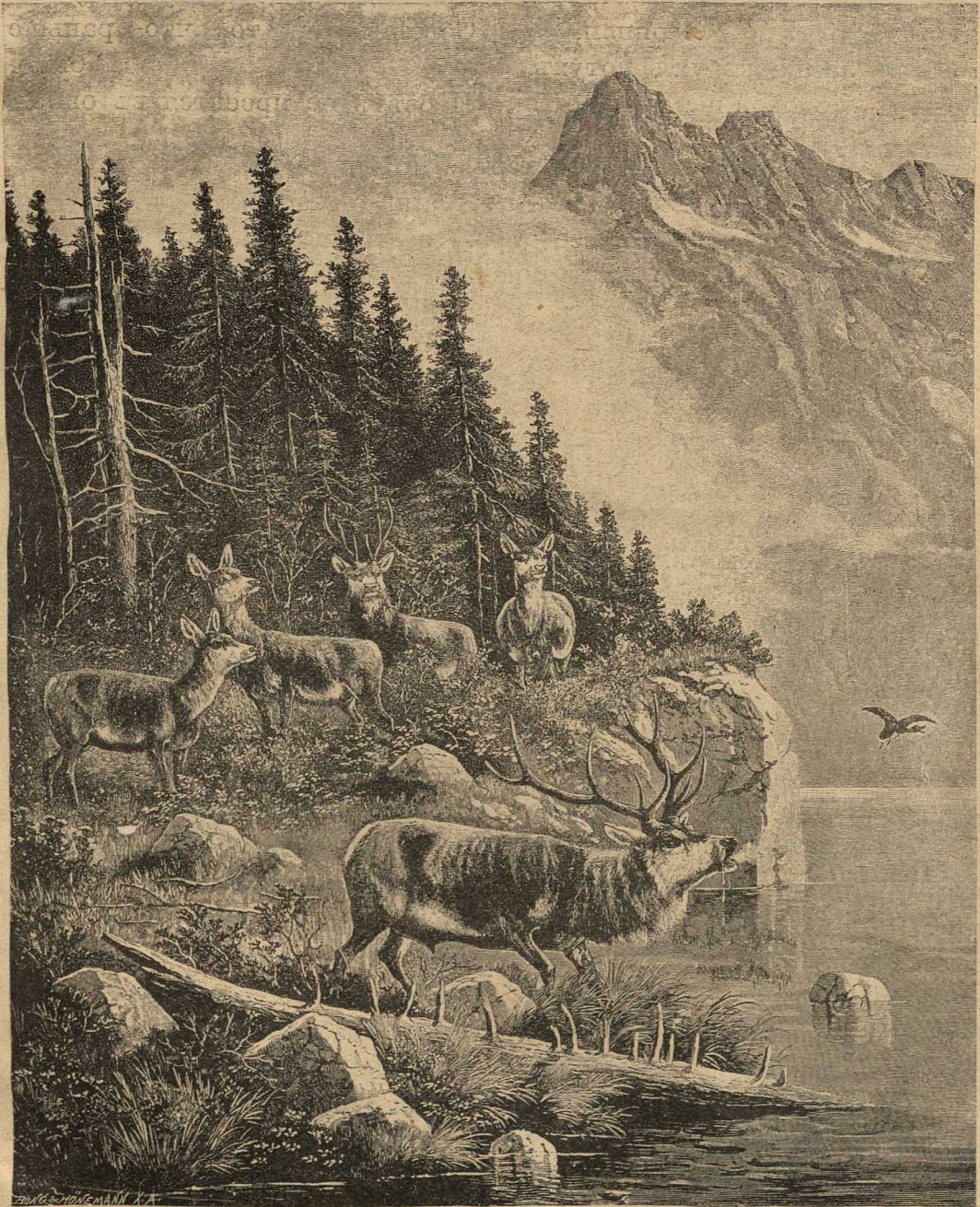
№ 1. Ноябрь, 1911.

Годъ изданія V-й.

Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Раннимъ утромъ.

ГЛУБОКАЯ ОСЕНЬ.

Какъ ночь длинна!... Пропѣлъ А точно полночь! Такъ темно,
 пѣтухъ, Такъ одиноко, такъ уныло,
 Къ обѣднѣ гдѣ-то зазвонили, Совсѣмъ не то, что раньше
 Огонь въ лампадкѣ ужъ потухъ, было,
 Часы въ столовой шесть пробили, И свѣтъ не просится въ окно.

Какъ воетъ вѣтеръ!... Дождь идетъ,
 Стучить, какъ плетками, о стекла,
 Кругомъ все сѣро, все промокло,
 И все зимы покорно ждетъ...

Ирисъ.

ЛИСА-ПАТРИКЪЕВНА.

Мы жили въ норѣ, вырытой ры и не видѣли ничего, кромѣ барсукомъ. Мать рассказываламнѣ, темноты. Мать очень любила насъ, что она отняла ее у барсука, ко- все время оставалась при насъ и торый былъ чуть не вдвое боль- только глубокой ночью убѣгала ше и сильнѣе ея и все таки не куда-то далеко изъ норы и воз- могъ защититъ отъ нея своего вращалась только часа черезъ три жилища. Когда онъ ушелъ, то или четыре. Всякій разъ она при- мать сдѣлала въ немъ еще нѣсколь- носила намъ что-нибудь вкусное: ко ходовъ вглубь и вверхъ, вы- лягушку, мышъ или крота и мы мела ее своимъ пушистымъ хво- съ жадностью ихъ съѣдали. Послѣ этого и сама сытая, мать ложи- стомъ и поселилась въ ней на- лась на спину, мы влѣзали къ ней на брюхо и начинали съ ней всегда. играть. Наигравшись вволю, мы Вскорѣ появились у нея мы, ея ложились спать и просыпались дѣти,—четверо хорошенькихъ, го- только тогда, когда въ отверстіе ловастыхъ лисенятъ. Мы родились нашей норы начиналъ уже проби- слѣпыми, но черезъ двѣнадцать ваться дневной свѣтъ.

не вылѣзали изъ своей но- — Что тамъ такое? не разъ

КНИГА ИМЕЕТ

Листов печатных	Выпуск	В перепл едн. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1969 г.
8.	4	1911. 2095 NI-Y				к 1094		1098.

Книжки № 1-4 Главлит, типография 1717/54—225 000.

спрашивала я у матери, пугливо выглядывая изъ норы. — Почему тамъ такъ свѣтло?

— А вотъ увидишь! отвѣтила мнѣ она.

И въ одинъ прекрасный день она вывела всѣхъ насъ на божій свѣтъ. Не могу описать моего восторга и удивленія, когда я въ первый разъ увидѣла небо, лѣсъ, услышала щебетанье птицъ и почувствовала на себѣ солнечные лучи и легкое дуновеніе вѣтра!

— Какъ хорошо! воскликнула я.

Мать сѣла у самой норки, спиной къ дереву, тодь корнями котораго мы жили, и сказала:

— Играйте! Веселитесь! Теперь вы уже большіе и можете вылѣзть на свѣтъ!

Мы тотчасъ-же стали бороться, прыгать, рѣзвиться, а мать сидѣла по собачьи и не могла на насъ налюбоваться. Прилетѣла бабочка и стала порхать надъ нашими головами и мой младшій братишка сталъ ее ловить и не поймалъ. Я подлѣзла подъ мать, поймала слетѣвшее съ дерева птичье перо и стала имъ играть. Это былъ счастливѣйшій день въ нашей жизни.

— Теперь будьте умники и сидите смирно, обратилась къ намъ мать.—Я сбѣгаю недалеко и принесу вамъ поѣсть.

Она убѣжала и скоро принесла намъ мышей, двухъ лягушекъ и стрекозу. Мы сѣли лягушекъ и мышей и еще долго играли съ

стрекозой, до тѣхъ поръ пока, она не околѣла и пока не сѣлъ ее мой маленькій братишка, нашедшій, что она была очень вкусна. И все время, пока мы играли у норы, мать то и дѣло бѣгала въ лѣсъ и возвращалась къ намъ съ ѣдой. При этомъ малѣйшій шорохъ заставлялъ ее безпокоиться о насъ и она часто, слышавъ своимъ чуткимъ ухомъ какой-нибудь отдаленный шумъ, загоняла всѣхъ насъ обратно въ нору и выводила насъ опять на воздухъ только тогда, когда уже вполне убѣждалась, что опасность миновала.

Однажды она отправилась на добычу и долго не возвращалась. Мы соскучились по ней, испугались и, столпившись передъ норкой въ кучку, стали жалобно скулить и лаять. Вообще лисицы лаютъ, какъ и собаки, и только передъ бурей, во время грозы и въ сильные холода,—но когда плачемъ мы, молодые лисенятки, то можно подумать, что это кричить павлинь. Какъ вдругъ прибѣгаетъ наша мать съ большими встревоженными глазами и суетливо загоняетъ всѣхъ насъ въ нору.

— Скорѣ! Скорѣ! говоритъ она. — Здѣсь недалеко ходитъ охотникъ и я встрѣтилась съ его собакой. Это наши злѣйшіе враги!

Мы вбѣжали въ норку, сбились въ кучку, мать покрыла насъ своимъ тѣломъ и мы такъ и окаменѣли. Я слышала потомъ, какъ

мимо нашего дерева прошелъ охотникъ и какъ сухія вѣтки затрещали у него подъ большими сапогами. Рядомъ съ нимъ бѣжала собака. Она пробѣжала какъ разъ у самой нашей норы, даже заглянула въ нее, но мы такъ притаились, что она не замѣтила насъ и пробѣжала мимо.

— Уфъ! сказала наша мать, когда охотникъ былъ ужъ далеко. — А я ужъ думала, что намъ и не сдобровать!

И, приказавъ намъ ни подъ какимъ видомъ не выходить изъ норы до ея возвращенія, она куда-то надолго убѣжала. Возвратилась она только къ вечеру, когда солнце уже золотило верхушки сосенъ и березъ въ нашемъ лѣсу. Она принесла намъ цѣлаго зайца на обѣдъ и когда мы поѣли, то она взяла одного изъ насъ въ зубы и понесла.

— Куда ты, мама? закричали мы ей. — Зачѣмъ ты его взяла?

— Я нашла для васъ другую нору, отвѣтила она. — Разъ собака засунула къ намъ носъ, она уже не успокоится до тѣхъ поръ, пока не приведетъ сюда охотника опять. Не въ этотъ разъ, такъ въ другой. Все равно намъ здѣсь не жить!

Она унесла нашего братишку, возвратилась и перетаскала всѣхъ насъ по очереди въ наше новое жилище.

Это была нора какого-то дру-

го звѣря, но какого—я по запаху разобрать не смогла. Вообще мы, лисы, никогда не роемъ себѣ норъ сами, а пользуемся для своего жилья трудами другихъ животныхъ, которыхъ бываемъ въ силахъ выгнать изъ насиденнаго ими гнѣзда.

Въ этой новой норѣ мы прожили до середины лѣта. Въ іюлѣ мать выводила насъ на полянку въ лѣсу, учила насъ ловить лягушекъ, кузнечиковъ и жуковъ и когда мы достаточно наострились въ этомъ искусствѣ, то она дала намъ въ послѣдній разъ пососать своего молочка и сказала:

— Ну, теперь вы уже большіе! Поздравляю васъ! Теперь вы можете добывать себѣ пропитаніе и сами! Пойдемте! Передъ вами сейчасъ откроется новая, полная приключеній жизнь!

Мы покинули навсегда нашу нору, вышли съ матерью изъ лѣса и вдругъ оказались на большомъ зеленомъ лугу.

— Вотъ, хорошо-бы здѣсь побѣгать и поиграть! закричали мы всѣ въ одинъ голосъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! сказала намъ мать, замѣтивъ, что мы и впрямь хотѣли здѣсь остановиться. — Здѣсь опасно! Пойдемте лучше въ рожь!

Мы дошли до поля, засѣяннаго рожью и овсомъ, вошли въ самую его глубину, вытоптали тамъ себѣ лунку и она замѣнила намъ гнѣздо. Поселившись здѣсь, мы стали

наслаждаться жизнью и ничто и никто уже не беспокоили насъ и отсюда мы съ матерью стали совершать набѣги на птичьи гнѣзда, на молодыхъ зайчатъ и полевыхъ мышей. Мы стали быстро расти и толстѣть. Затѣмъ, когда началась жатва, мать перевела насъ въ кустарники и здѣсь долго учила насъ различнымъ лисьимъ хитростямъ и уверткамъ.

— Изъ васъ выйдутъ отличные воришки и мошенники! говорила она, любуясь нами и радуясь тому, что мы такъ успѣшно усваивали ея пріемы.—Что и за лиса, если не сумѣетъ воровать!

Наступила затѣмъ осень, задули вѣтры и земля стала промерзать. Птицы улетѣли въ теплые края, а тѣ, которыя остались у насъ зимовать, стали летать уже по деревьямъ, лягушки зарылись въ тину и заснули и для насъ наступила голодная пора. Стали срываться снѣжинки и когда однажды въ концѣ октября мы проснулись и увидали, что снѣгомъ покрыты уже всѣ поля, то мать оглядѣла насъ со всѣхъ сторонъ и повилыла намъ своимъ пушистымъ хвостомъ.

— Прощайте, дѣтки! сказала она.—Теперь вы уже большія лисицы и можете начать самостоятельную жизнь! Я вамъ больше уже не нужна!

И протянувъ, какъ палку, хвостъ, она высунула языкъ на

правую сторону и убѣжала отъ насъ навсегда. Мы всѣ четверо постояли немного, поглядѣли ей вслѣдъ и тоже разбѣжались въ разныя стороны, чтобы уже не встрѣтиться больше никогда.

И для меня началась одинокая, самостоятельная жизнь. Мы, лисы, никогда не бѣгаемъ стадами, всегда держимся въ одиночку и тѣмъ скучнѣе наша жизнь, пока у насъ нѣтъ дѣтей.

Съ этой поры я должна была всѣмъ правдами и неправдами добывать себѣ пропитаніе. Прежде всего я нашла себѣ въ лѣсу дупло и поселилась въ немъ. Отсюда по ночамъ я стала дѣлать набѣги на зайчатъ. Иногда я выходила на охоту и днемъ. Съ величайшей осторожностью, тѣсно прижавшись брюхомъ къ землѣ, я незамѣтно подкрадывалась къ длинноухому сзади и въ то время, когда онъ сидѣлъ и наслаждался природой, я хватала его за спину и уносила его къ себѣ въ дупло. Раза два или три я взлѣзала на дерево и стаскивала съ его вѣтвей за хвостъ соннаго глухаря. Однажды, проходя мимо рѣки, я замѣтила прорубь, изъ которой мужикъ бралъ воду; когда онъ уѣхалъ, я увидала въ водѣ рака, окунулась въ холодную воду, вытащила его и съѣла и еще долго бѣгала съ обледенѣлой головой. Эта моя первая зима была для меня полна страданій. Я голодала по цѣлымъ

днямъ, зябла такъ, что съ горя начинала лаять, рискуя каждую минуту выдать охотникамъ свое присутствіе. Когда-же выпадалъ солнечный денекъ, то я всползала на свалившееся дерево, растягивалась на немъ во всю свою длину и старалась согрѣться на солнечныхъ лучахъ и хоть одинъ разокъ поспать такъ, чтобы не дрожать отъ холода. И при этомъ я такъ громко храпѣла, что сама слышала свой храпъ во снѣ. Одинъ разъ я не ѣла цѣлые четыре дня подрядъ и, изнемогая отъ голода, пустилась на хитрость. Я еще издалека слышала, какъ гдѣ-то пѣлъ по раннимъ утрамъ пѣтухъ. Слухъ у насъ, лисицъ, отличный и чутье, пожалуй, еще лучше, чѣмъ у собакъ. Я понюхала воздухъ, почувствовала запахъ дыма и побрела на жильѣ. Оно оказалась чей-то усадьбой. Но въ ней былъ такъ частъ заборъ, что пролѣзть сквозь его спицы даже для меня оказалось невозможнымъ. Тогда я стала поджидать. Не прошло и часа, какъ послышался звукъ отпираемыхъ воротъ. Это какой-то мужикъ выѣзжалъ изъ усадьбы на саняхъ. Тогда я подошла поближе и стала поджидать, не оставятъ ли онъ воротъ открытыми? Но онъ ихъ заперъ за собой, сѣлъ въ сани и поѣхалъ. Я забѣжала впередъ, легла на дорогѣ и притворилась мертвой. Увидавъ меня, онъ остановилъ лошадь, слѣзъ съ

саней, поднялъ меня за хвостъ со снѣга, долго осматривалъ меня со всѣхъ сторонъ, причѣмъ я висѣла внизъ головой, и наконецъ сказалъ:

— Дохлая лисица! Скажи пожалуйста! Да еще какая большая! Должно быть, кто-нибудь набросалъ отравы, а она сожрала, да и околѣла! Надо ее взять!

И онъ вернулся къ усадьбѣ и перебросилъ меня къ себѣ черезъ заборъ.

— Пуцай ее тамъ лежить! сказалъ онъ.—Вернусь—подберу!

Онъ уѣхалъ. Этого только мнѣ и было нужно. По ту сторону забора лежало бревно; при паденіи, я больно стукнулась объ него головой, но голодъ пересилилъ во мнѣ боль и я тотчасъ-же вскочила на ноги и помчалась къ курятнику. Пробраться въ него было дѣломъ одной только минуты. Но едва только я вошла въ него, какъ тамъ начался такой переполохъ, что поднялъ собою на ноги всю усадьбу. Я схватила первую, подвернувшую мнѣ подъ зубы курицу и только что хотѣла выбѣжать съ нею изъ курятника, какъ увидала себя окруженной со всѣхъ сторонъ людьми.

— Лови, лови ее! слышались крики.

И одна изъ женщинъ загородила мнѣ собою выходъ изъ курятника. Тогда видя, что минуты мои сочтены, и все таки не выпуская курицу изъ зубовъ, я кинулась

женщинѣ прямо подѣ ноги, свалила ее и бросилась бѣжать. За мною погнались два мужика и нѣсколько собакъ.

— Лови, лови ее! Держи! раздались голоса.

По другую сторону усадьбы текла быстрая, никогда не замерзавшая рѣка, а за нею шель въ гору березовый лѣсъ. Вмѣстѣ съ курицей я добѣжала до рѣки, бросилась въ нее, переплыла ее, не смотря на морозъ, выбралась на другую сторону, вбѣжала въ лѣсъ и была такова!

Но вотъ настала весна. Пстекли ручьи, вернулись птицы, затрепщали скворцы и въ воздухѣ повѣяло тѣмъ счастьемъ жизни, ради котораго существуетъ на свѣтѣ все земное.

И чѣмъ больше оживала природа, тѣмъ чаще и чаще я стала встрѣчаться съ другими такими же лисицами, какъ и я; теперь я была уже не одна, мы ходили стайками по четверо или по пятеро штукъ, часто ссорились, но это однако не мѣшало намъ бѣгать вмѣстѣ и вмѣстѣ отыскивать себѣ пищу. Когда-же снѣгъ сошелъ окончательно, когда прошли рѣки и ручьи и на березкахъ появились нѣжные, душистые листочки, то мы всѣ опять разбѣжались въ разныя стороны и я вновь осталась одна.

Выѣхалъ пахарь въ поле, замычали стада и высоко—высоко въ

небѣ закричали возвращавшіеся журавли. Я долго бродила по полямъ и лѣсамъ и наконецъ нашла себѣ чью-то заброшенную нору и рѣшила поселиться въ ней на лѣто. Теперь моимъ страданіямъ пришелъ уже конецъ. Теперь я была уже сыта и имѣла пріютъ и мнѣ не нужно было больше пускаться на хитрости и уловки, чтобы только быть сытой или хотя-бы не умереть съ голода. И вдругъ меня посѣтила радость! Господь послалъ мнѣ пятерыхъ маленькихъ лисенятъ! Я обрадовалась имъ, стала ихъ оберегать и кормить, я не спала ночей, чтобы только вырастить ихъ и сдѣлать изъ нихъ хорошихъ лисицъ. И какъ когда-то моя мать, я отправлялась на поиски для нихъ за пищей, приносила имъ жуковъ, кузнечиковъ, личинокъ, ловила для нихъ мышей и часто забиралась въ сосѣдній помѣщичій фруктовый садъ и приносила имъ оттуда овощи и землянику. И когда они выросли настолько, что я ужъ могла перевести ихъ изъ норы въ поле и стала ихъ тамъ пріучать къ ловлѣ лягушекъ, птицъ и мышей и преподавать имъ разныя наши лисьи уловки, то одинъ изъ моихъ сыновей, наиболѣе головастый и серьезный, вдругъ неожиданно задалъ мнѣ вопросъ:

— Мама, спросилъ онъ, — отчего мы такія хитрыя? Зачѣмъ мы хитрѣе другихъ звѣрей?

Лиса-Патрикѣвна.

Любимецъ.

Я постаралась искренно и правдиво ему отвѣтить:

— Такими создалъ насъ Господь! И если-бы ты былъ другимъ, то ты не былъ-бы уже лисой!

Онъ удовлетворился этимъ моимъ отвѣтомъ и для насъ снова потекла своимъ чередомъ наша обычная лисья жизнь.

С. Вершининъ.

ОЗЕРО ВЪ ЛѢСУ.

Коля пробѣгаетъ по полю и по влажной отъ росы тропинкѣ подходитъ къ лѣсу. Раннее утро. Блѣднѣютъ звѣзды и на востокѣ начинается загораться заря. Коля спѣшитъ. Ему надо добѣжать до озера еще до восхода солнца и поспѣть туда раньше, чѣмъ придетъ туда кто-нибудь другой. Начинаютъ просыпаться и робко щебетать птицы, утренній вѣтерокъ пробѣгаетъ по опушкѣ лѣса и сбрасываетъ на Колю съ вѣтвей цѣлый дождь изъ капель росы, попискиваютъ гдѣ-то зяблики и съ жужжаніемъ начинаютъ пролетать жуки. Но онъ ихъ не слышитъ, онъ не замѣчаетъ утренняго аромата цвѣтовъ и травъ, и только боится какъ-бы солнце не взошло раньше, чѣмъ онъ добѣжитъ до озера.

Обыкновенно въ такой ранній часъ утра Коля еще лежитъ у себя въ постелькѣ и спитъ. Онъ просыпается только тогда, когда солнце начинаетъ свѣтить ему въ глаза и когда ласточки съ громкимъ пискомъ начинаютъ летать взадъ

и впередъ. Но въ эту ночь онъ не смыкалъ вовсе глазъ. Ему во что-бы то ни стало нужно поспѣть до восхода солнца къ лѣсному озеру и онъ предпочелъ лучше вовсе не ложиться спать, чѣмъ опоздать.

И вотъ онъ уже у лѣса. Въ немъ еще темно и страшно. Прежде чѣмъ войти въ него, Коля останавливается и переводитъ духъ. Что, если вдругъ онъ встрѣтитъ тамъ волка! Но, кажется, волки бываютъ здѣсь только зимой, лѣтомъ они убѣгаютъ куда-то далеко, къ сѣверу, гдѣ лежатъ вѣчные снѣга. И перекрестившись, Коля вступаетъ въ лѣсъ. Тамъ, въ глубинѣ, среди большой поляны, находится озеро. На берегу его стоитъ старая, почти совсѣмъ развалившаяся усадьба, заброшенная и запущенная, въ которой вотъ уже двадцать лѣтъ не живетъ никто. Въ ней забиты окна и двери и кусты сирени и желтой акаціи разрослись въ ней такъ, что изъ-за нихъ едва видна только одна крыша дома. Говорятъ,

что еще въ далекія времена въ этомъ озерѣ утонула дѣвушка и съ тѣхъ поръ каждую ночь стала выходить изъ воды ея тѣнь и сидѣть на берегу. Поэтому никто этой усадьбы не покупалъ и всѣ старались обходить ее подальше, чтобы не встрѣтиться съ русалкой. Носились слухи, что въ лунныя ночи изъ озера выходили подружки этой утопленницы — другія русалки — и хороводомъ носились надъ его поверхностью, или-же лежали на травѣ и грѣлись на холодныхъ лучахъ луны.

Коля слышалъ, что съ нѣкотораго времени въ этой усадьбѣ по вечерамъ сталъ горѣть въ окнахъ огонь и что тогда проходившіе стороною крестьяне слышали, какъ въ домѣ раздавались голоса и даже кто-то звонко пѣлъ. Но одни изъ нихъ говорили, что это водяной, лѣшій и русалки, а другіе постарше, что это пріѣхалъ изъ Петербурга какой-то баринъ съ дочерью, который плѣнился этой усадьбой, купилъ ее и поселился въ ней на лѣто.

Постоявъ немного въ нерѣшительности, Коля входитъ въ лѣсъ.

„Кажется, сюда?“ думаетъ онъ и бѣжитъ по росистой травѣ.

Но вотъ уже и озеро. Завидѣвъ его, Коля со страхомъ оглядывается по сторонамъ и замедляетъ шаги. Оно спокойно, какъ зеркало, и въ немъ отражаются молчаливыя деревья и вся заросшая сиренью

и акаціей усадьба. Мальчикъ подходитъ къ самой водѣ, и еле переводя духъ отъ усталости и страха, присаживается на камень.

Что-же привело его сюда? Что заставило его не спать всю ночь и тайкомъ уйти сюда изъ дома, чтобы поспѣть до восхода солнца?

У него заболѣла мать и лежала уже второй мѣсяць. Она была больна и все въ домѣ пошло на упадокъ: печь не топилась по цѣлымъ недѣлямъ, некому было подмести полъ и поглядѣть за Колей; по два дня оставалась недоенной корова... И когда къ своей матери подходилъ Коля и начиналъ ее ласкать, то ея глаза наполнялись слезами и она слабымъ голосомъ говорила:

— Бѣдный ты мой сирота!

Коля не могъ выносить этихъ ея словъ, выбѣгалъ тотчасъ-же за дверь и начиналъ горько плакать. Чѣмъ спасти свою мать? Чѣмъ ей помочь? Позвать доктора — но гдѣ его было взять и чѣмъ ему заплатить? Отвезти ее въ больницу — но она въ сорока верстахъ! И долго думалъ мальчикъ и ломалъ себѣ голову, не зная, какъ поступить, а время все шло и больной становилось все хуже и хуже.

И вдругъ онъ услышалъ сказку. Онъ забѣжалъ къ сосѣдкѣ, у которой была внучка Катя. Бабушка баловала ее и часто рассказывала ей сказки. Въ сумерки, когда, уставши отъ дневныхъ трудовъ,

старушка усаживалась у оконца за чулокъ, Катя клала ей голову на колѣни и подъ ровный, однообразный ея говоръ тихонько засыпала. На этотъ разъ сбоку бабушки сидѣлъ и Коля. Она рассказывала про приключенія одинокой сироты и онъ жадно прислушивался и старался не проронить ни одного ея слова. Какъ и большинство старухъ, бабушка сочиняла сказки сама и на этотъ разъ ея героиней была дѣвочка, у которой не было ни отца, ни матери и которую злые люди заставили пасти овецъ и кормили только хлѣбомъ и водой. Однажды у нея затерялся куда-то молодой барашекъ. Она его звала, искала, но все было напрасно: барашекъ не откликался. Она боялась возвратиться домой, потому что знала, что ее за это побьютъ и вовсе не дадутъ ей ѣсть. Но спускалась уже ночь и нужно было все стадо гнать домой. Ее уже давно поджидалъ хозяинъ и сталъ бранить ее, что она такъ поздно вернулась со стадомъ. Сосчитавши своихъ овецъ, онъ не досчитался барашка и, не смотря на уже позднюю ночь, погналъ ее снова въ лѣсъ и приказалъ ей его искать. Она заплакала и покорно побрела въ лѣсъ. Долго она искала въ немъ барашка и наконецъ вышла къ тому мѣсту, гдѣ находилось озеро, въ которомъ когда-то утонула дѣвушка и на берегу котораго стояла

одинокая, заброшенная, ветхая усадьба. Ей показалось, что кто-то ее зоветъ. Она сдѣлала въ темнотѣ неловкій шагъ впередъ, поскользнулась и упала... Она хотѣла подняться, но усталость взяла свое. Ея ноги болѣли отъ цѣлодневной ходьбы, ея тѣло ослабѣло отъ голода и она почувствовала, какъ ее стала одолевать дремота и какъ стали слипаться ея глаза.

И вдругъ надъ озеромъ сталъ подниматься легкій, волнистый туманъ. Его клубы стали все болѣе и болѣе уплотняться и изъ нихъ вдругъ образовались прекрасныя дѣвушки, въ вѣнкахъ изъ водорослей, одѣтыя въ бѣлыя прозрачныя одежды. Одна изъ нихъ вышла на берегъ и съ печалью поглядѣла на домъ. — „Я здѣсь когда-то жила“, сказала она. „Здѣсь когда-то были мои отецъ и мать, но теперь ихъ уже нѣтъ“. Къ ней подошли другія русалки и стали ее утѣшать. Онѣ взяли ее за руки и повели ее въ лѣсъ по влажной травѣ. — „Что это за дѣвочка?“ вдругъ воскликнули онѣ, и отшатнулись въ испугъ въ стороны. — „Зачѣмъ она пришла сюда въ такой поздній часъ?“

— „Не бойтесь меня!“ сказала имъ сирота. — „У меня убѣждали барашекъ и мнѣ приказано его найти. Если я его не найду, то меня побьютъ и не дадутъ мнѣ ѣсть...“

Печальная русалка нагнулась

надъ нею и холодными, блѣдными губами поцѣловала ее въ лобъ.

— „Не бойся, сказала она,— барашекъ твой найдется! Онъ недалеко отсюда въ кустахъ!“ И отойдя немного въ сторону, она вывела изъ-за куста барашка и подвела его къ сиротѣ.

Дѣвочка хотѣла-было встать и поблагодарить ее, но не могла. Голова ея отяжелѣла, ноги не слушались ея и она почувствовала, какъ сладкій сонъ разлился по всему ея тѣлу и сковалъ всѣ ея члены.

А когда она пересилила себя и открыла глаза, то уже свѣтало. Около нея стоялъ ея барашекъ, а надъ озеромъ все еще кружились пары и наконецъ осѣли надъ нимъ въ видѣ мелкихъ капель росы.

— „Свѣтаетъ! подумала сирота. Это навѣрное русалки испугались солнца и уходятъ обратно къ себѣ на дно“.

Она взяла своего барашка и возвратилась съ нимъ къ себѣ домой.

Коля слушалъ эту сказку и у него захватывало отъ волненія духъ. Что, если и онъ тоже отправится къ озеру въ лѣсу и попроситъ у русалки какого-нибудь средства, чтобы исцѣлить свою мать? Развѣ у русалокъ не бываетъ мертвой и живой воды, которыми онѣ такъ удачно пользуютъ въ сказкахъ не только больныхъ, но даже мертвыхъ и убитыхъ? И если утопленница помогла

сиротѣ найти своего барашка, то неужели-же она откажетъ и ему, который такъ много уже перестрадалъ и такъ любитъ свою мать?

И онъ твердо рѣшилъ не спать всю ночь и немедленно же отправиться въ лѣсъ. Но съ вечера было темно и онъ боялся, что не найдеть въ темнотѣ дорогу. Когда-же на горизонтѣ появилась узкая полоска свѣта и въ предразсвѣтныхъ сумеркахъ стали вырисовываться деревья и кусты, онъ тихонько слѣзъ съ кровати, отперъ дверь и незамѣтно вышелъ...

И вотъ передъ нимъ тихое, безмолвное озеро. Надъ зеркаломъ его водъ поднимается туманъ и носится клубами.

„Это навѣрное — русалки“, думаетъ онъ. — „Кажется, я не опоздалъ“.

И онъ садится на камень и начинаетъ ожидать ихъ появленія. Онъ все ждетъ и ждетъ, роса все ниже и ниже опускается на землю и виснетъ на его волосахъ въ видѣ мельчайшихъ капель, звуки начинаютъ становиться все громче и громче и слышнѣе раздаются голоса птицъ, жужжанье насѣкомыхъ, изъ дальняго села доносится звонъ къ заутренѣ и наконецъ восходитъ теплое, ласковое солнце и всюду окончательно пробуждается жизнь. Когда же его лучи доходятъ наконецъ до Коли, то они видятъ, что онъ прикорнулъ у камня и сладко спитъ.

Усталость и бессонная ночь сломили его и онъ заснулъ.

И вотъ, вмѣсто старой, обветшавшей усадьбы появляется вдругъ роскошный, лучезарный дворецъ. Его стѣны выстроены изъ прозрачнаго хрусталя, къ нему ведутъ лѣстницы изъ изумруда, на его крышѣ блистаютъ черепицы изъ рубиновъ. Открывается дверь и онъ видитъ черезъ нее роскошную обстановку: всюду сверкаютъ золото и серебро и весело перемигиваются между собою брилліанты. Коля поднимаетъ голову и широко раскрываетъ отъ удивленія ротъ и не можетъ оторвать отъ дворца своихъ глазъ. Нѣтъ, онъ не обманулся, его надежда не напрасна, именно здѣсь живетъ та русалка, которая исцѣлитъ его мать! И онъ начинаетъ ждать, когда она появится на крыльцѣ. Но вотъ онъ выходитъ цѣлой очаровательной вереницей, эти русалки, въ бѣлыхъ прозрачныхъ покрывалахъ, съ водорослями на головахъ и съ драгоценными ожерельями на шеяхъ. Впереди нихъ она. Она печальна по прежнему и идетъ, опустивши глаза.

— „Подруги, говоритъ она, — мнѣ хочется пойти на тотъ берегъ и посидѣть у большого камня, вонъ у того самого, который виденъ отсюда въ кустахъ!“

— „Не ходи туда, сестра, отвѣчаютъ ей русалки.— Тамъ лежитъ кто-то чужой!“

Но она не слушаетъ ихъ и легкою неслышною походкой направляется прямо къ Колѣ. Увидѣвъ его, она наклоняется надъ нимъ и цѣлуетъ его блѣдными губами въ лобъ.

— „Отчего ты, мальчикъ, такъ печаленъ?“ спрашиваетъ она его.

— „У меня больна мать, отвѣчаетъ онъ ей,—и я пришелъ сюда, чтобы попросить тебя ее исцѣлить. Если она умретъ, то я останусь тогда сиротой!“

Двѣ росинки скатываются у нея изъ глазъ по щекамъ, она достаетъ изъ складокъ своего покрывала пузырькъ живой воды и протягиваетъ его къ Колѣ.

— „Возьми его, говоритъ она,—и дай его своей матери. Пусть она его выпьетъ и будетъ здорова!“

И оторвавши отъ дерева вѣтку, она начинаетъ обмахиваться ею отъ жары и поворачиваетъ обратно ко дворцу. Проходя мимо Коли, она задѣваетъ его этой вѣткой по лицу, дрожь пробѣгаетъ по всему его тѣлу... и онъ просыпается.

Уже ясное утро, свѣтитъ яркое солнце, тепло и около него стоитъ какая-то молодая дѣвушка и, весело улыбаясь, щекочетъ его вѣткой по лицу.

— Проснись! говоритъ она.—Чего ты такъ долго спишь?

У нея розовыя щеки, голубые глаза, большіе волосы и розовая лента опоясываетъ ея бѣлое, кисейное платье. Коля все еще не мо-

жетъ прійти отъ сна въ себя и, думая, что это русалка, протягиваетъ къ ней руки и горячо говоритъ:—

— У меня больна мать! Помоги ей! Если она умретъ, то я этого не перенесу!

— У тебя больна мать? спрашиваетъ дѣвушка.—Гдѣ-же она? Я съ удовольствіемъ скажу о ней сейчасъ своему отцу и онъ охотно ее навѣститъ!

— Развѣ у тебя есть отецъ? Развѣ онъ еще живъ?

— Да, онъ живъ! Онъ докторъ и принимаетъ больныхъ... Но мы здѣсь живемъ уже цѣлый мѣсяцъ и еще никто изъ нихъ не приходилъ... Всѣ боятся этого озера и проходятъ стороной...

Коля все еще думаетъ, что это сонъ, и протираетъ себѣ глаза. Но дѣвушка беретъ его за руку и почти силою ведетъ его къ своему отцу.

Докторъ выслушиваетъ Колю и вмѣстѣ съ нимъ отправляется лечить его мать.

Гіальмаръ.

БЫЛА ПОРА.

Была пора, свѣтило солнце,
Такимъ большимъ казался день,
Росли цвѣты и у оконца
Цвѣла душистая сирень.
Летали бабочки и мушки,
Жужжали майскіе жуки
И безпокойныя лягушки
Кричали громко у рѣки.

Въ поляхъ цвѣты ковромъ пестрѣли,
Шумѣли птицы межъ вѣтвей
И вечеркомъ, подъ звукъ свирѣли,
Ужъ пѣлъ прелестный соловей.
Теперь не то... Ужъ по дорожкамъ
Шуршатъ опавшіе листы
И не цвѣтутъ передъ окошкомъ
Мои душистые цвѣты.

И птицъ ужъ нѣтъ... Свѣтаетъ
поздно...

Природа мертвая молчитъ...

То снѣгъ пойдетъ, то вдругъ морозно,

То дождь въ окошко застучитъ.

Кузнечикъ.

Дарьяльское ущелье на Кавказѣ.

На морскихъ кучаньяхъ. Прогулка на осликахъ.

ПОДЪ ЗЕМЛЕЙ.

Повѣсть.

Въ одной изъ отдаленныхъ улицъ большого города, гдѣ жили преимущественно рабочіе и мелкіе торгаши, въ пустой комнатѣ сидѣлъ мальчикъ лѣтъ двѣнадцати и уныло глядѣлъ передъ собою. У него умеръ отецъ. Какъ-то, возвращаясь съ работы, онъ началъ кашлять, а затѣмъ его свезли въ больницу, гдѣ онъ прохворалъ цѣлыя шесть недѣль и наконецъ скончался. Теперь мальчикъ сидѣлъ на его опустѣвшей кровати одинъ и не зналъ, что ему дѣлать и съ чего начать. Во всемъ городѣ у него не было родныхъ ни души.

Былъ у него дядя Григорій Семенычъ, но онъ работалъ въ угольныхъ шахтахъ гдѣ-то далеко, близъ станціи Ртутной, и добывалъ очень мало. Его единственная дочь Настя, дѣвушка 18-ти лѣтъ, работала тамъ же и оба они добывали столько, что мать Насти—Наталья Ивановна, едва-едва сводила концы съ концами. И вотъ теперь этотъ самый Григорій Семенычъ, узнавъ о смерти своего брата, прислалъ своему племяннику письмо, въ которомъ приглашалъ его къ себѣ.

„Дорогой Володя,—писалъ онъ ему, теперь ты сирота и мы ждемъ тебя къ себѣ. Чѣмъ скорѣе ты приѣдешь къ намъ, тѣмъ будетъ лучше. Конечно, мы сами не богаты, но ты

будешь у насъ, какъ свой, и мы не будемъ считать тебя себѣ въ тягость. Я постараюсь опредѣлить тебя въ шахты. Сперва будетъ трудно привыкать, но потомъ все уладится и обойдется, и ты будешь зарабатывать свой собственный хлѣбъ. Поэтому приѣзжай поскорѣе. Твоя тетька и двоюродная сестра будутъ рады тебя видѣть. Остаюсь твой дядя Григорій Куликовъ“.

Володя досталъ изъ кармана это письмо и прочелъ его въ десятый разъ. Конечно, необходимо ѣхать къ дядѣ! Володя его не знаетъ, но во всякомъ случаѣ по тону письма можно судить, что онъ человекъ добрый и отзывчивый. Приѣхавъ къ нему, Володя будетъ по крайней мѣрѣ въ семьѣ, а не одинъ.

И съ рѣшимостью встряхнувъ головой, Володя взадъ и впередъ прошелся по комнатѣ. Онъ поѣдетъ къ дядѣ на Ртутную! Медлить нечего. Онъ поступитъ на шахты, будетъ работать и постарается содержать себя на свои средства.

И дѣйствительно, два дня спустя, мальчикъ уже уложилъ свои немногочисленные вещи въ узелокъ, продалъ отцовскій верстажъ и инструменты, сѣлъ въ вагонъ и

отправился въ путь. Ъхать предстояло далеко, но вотъ уже Курскъ, вотъ и Харьковъ, а вотъ уже потянулись и тѣ мѣста, гдѣ добывается уголь. Громадные заводы съ массой дымившихся трубъ стали попадаться ему по пути и тамъ и сямъ изъ оконъ вагона были видны шахты. Около станцій были насыпаны цѣлыя горы угля. Полотно желѣзной дороги то и дѣло пересѣкали другія желѣзныя дороги и казалось страннымъ, что въ тѣхъ мѣстахъ было такъ много рельсъ.

„Скоро мнѣ вытѣзать“... подумалъ Володя, и сталъ укладывать свои пожитки.

Но вотъ ужъ и та станція, на которой ему выходить изъ вагона. Дальше онъ будетъ продолжать свой путь уже пѣшкомъ. Локомотивъ свиститъ, замедляетъ свой ходъ и останавливается. Володя забираетъ свои пожитки и выходитъ на незнакомую станцію. Кругомъ все чуждо, пустынно, изъ края въ край тянется безлюдная степь и при свѣтѣ заходящаго солнца все кажется окрашеннымъ въ какой-то странный, желтоватый цвѣтъ. Вдалекѣ, на горизонтѣ виднѣется лѣсъ. Володя спрашиваетъ у жандарма, гдѣ идти на Вишерскій рудникъ, тотъ ему указываетъ, и мальчикъ смѣло отправляется въ путь.

— Вѣдь это далеко отсюда! — говоритъ ему жандармъ. — Цѣлыя

двадцать верстъ! Ты до вечера не дойдешь!

Но Володя улыбается ему въ отвѣтъ, затягиваетъ пѣсню и идетъ по указанному направленію.

Надъ нимъ поютъ жаворонки, по бокамъ его, въ колосистой ржи, трещать кузнечики, а онъ все идетъ и идетъ. Вотъ ужъ передъ нимъ и тотъ лѣсъ, который виднѣлся со станціи на горизонтѣ. Дорога ведетъ прямо въ него и, благодаря наступившимъ сумеркамъ, кажется уходящей куда-то въглубь подъ землю. Все еще подбадривая себя пѣсней, Володя входитъ въ лѣсъ. Здѣсь прохладно и тихо и такъ легко идти послѣ пустынной степи! По бокамъ дороги высятся деревья, а что тамъ, за этими деревьями, того Володѣ не видно, такъ какъ все тонетъ уже во мракѣ наступающей ночи.

— Какъ бы мнѣ не пришлось заночевать въ лѣсу? — думаетъ онъ. — Напрасно я не послушался жандарма и не остался на станціи до утра!

И вдругъ онъ посреди дороги замѣчаетъ какое-то темное пятно. Онъ подходитъ къ нему и видитъ, что это собака. Онъ наклоняется надъ ней и начинаетъ ее ласкать. Она виляетъ ему хвостомъ и начинаетъ съ благодарностью лизать ему руки. Онъ становится передъ ней на колѣни и старается ее приподнять. Но она не встаетъ. Она жалуется на лапы и на бокъ. Онъ

догадывается, что она ранена, и снова кладетъ ее на землю.

— Бѣдняжка!—говоритъ онъ.— Что съ тобой? Что же мнѣ теперь съ тобой дѣлать?

— Бѣдняжка! Что съ тобой?

Собака точно понимаетъ его. Она смотритъ на него жалобными глазами съ такимъ выраженіемъ, точно хочетъ сказать:

— Да, я больна и одинока! Пожалѣй меня! Я не останусь передъ тобою въ долгу! Ты увидишь, какъ я сумѣю отблагодарить тебя потомъ, если ты возьмешь меня съ собой!

Сердце Володи наполняется состраданіемъ, онъ пытливо оглядываетъ свой узелокъ и, убѣдившись, что онъ не такъ ужъ тяжелъ, снова начинаетъ ласкать собаку рукой.

— Нѣтъ, нѣтъ!—говоритъ онъ.— Я не оставлю тебя! Зачѣмъ тебѣ здѣсь лежать! Я возьму тебя съ

собою! Хватить на одного,—хватить и на двоихъ. Я буду дѣлиться съ тобой тѣмъ, что буду имѣть самъ. Но какъ тебя зовутъ? Шарикъ? Полканъ? Или, быть можетъ, Барбось?

Онъ перебралъ нѣсколько именъ, но ко всѣмъ имъ собака осталась одинаково равнодушной.

— Въ такомъ случаѣ я назову тебя—Волчокъ! Понимаешь? Теперь ты будешь—Волчокъ. А пока—на вотъ тебѣ, попей и поѣшь!

Онъ досталъ изъ сумочки бутылку съ водой, отлилъ изъ нея немного на ладонь и поднесъ собаку ко рту. Она вылакала изъ нея все. Онъ сдѣлалъ это еще разъ; она выпила воду вновь. Онъ поднесъ къ ея мордѣ кусокъ хлѣба; она жадно его съѣла и завиляла хвостомъ.

— Эге,—сказалъ Володя.— Да ты, должно быть, не ѣла десятилѣтъ!

И пока онъ возился съ собакой, стемнѣло уже настолько, что нужно было спѣшить, чтобы не заночевать въ лѣсу.

— Ну, пора! Пойдемъ!—обратился къ собаке мальчикъ.—Время не ждетъ!

Онъ поманилъ Волчка за собой. Собака съ трудомъ поднялась, сдѣлала нѣсколько шаговъ и снова въ безсиліи легла на землю.

— Значитъ, не можешь!—сказалъ Володя.—Что же мнѣ съ тобой дѣлать? Не могу же я оставаться около тебя всю ночь!

И нагнувшись надъ Волчкомъ, онъ осторожно приподнял его съ

Собака была тяжела.

земли и взвалилъ его къ себѣ на плечи. Собака была тяжела, но Володя былъ доволенъ и отправился далѣе, весело распѣвая на весь лѣсъ. Теперь онъ былъ не одинъ и ему не было страшно, несмотря на спустившуюся уже ночь.

Такъ шли они еще цѣлый часъ, когда Володя вдругъ услышалъ позади себя какіе-то звуки. Кто-то ѣхалъ, и слышно было, какъ дорогіе бубенчики побрякивали у лошадей на шеяхъ. Володя остановился и прислушался. Лежа у него на плечахъ, Волчокъ тоже насторожился и подозрительно заворчалъ. Топотъ копытъ становился все слышнѣе и слышнѣе, засвѣтились два фонаря по бокамъ сидѣнья кучера

и скоро во мракѣ обрисовался дорогой экипажъ и въ немъ сидѣли какіе-то два господина и дѣвочка лѣтъ десяти. Поровнявшись съ Володей и увидѣвъ, что онъ несъ на плечахъ огромнаго пса, они заинтересовались имъ и одинъ изъ нихъ потрогалъ кучера за плечо и приказалъ ему остановить лошадей.

— Эй, любезный! — крикнулъ онъ Володѣ. — Подойди-ка сюда! Что это ты несешь?

Володя рассказалъ ему, какъ съ часъ тому назадъ, идя черезъ лѣсъ, онъ нашель своего Волчка.

— Ну, а ты самъ куда идешь?

— Я иду на Вишерскій рудникъ, искренно отвѣчалъ Володя. — Тамъ у меня работаетъ дядя и я ѣду къ нему...

— Откуда ты родомъ?

Володя рассказалъ господину все: какъ у него умеръ отецъ, какъ дядя прислалъ ему письмо и какъ онъ рѣшилъ заняться трудомъ, чтобы заработать свой собственный кусокъ хлѣба и не быть въ тягость никому. Его наружность и искренній тонъ очаровали незнакомцевъ. Выслушавъ его, они какъ-то загадочно переглянулись между собой и стали разговаривать на французскомъ языкѣ. И если-бы Володя зналъ французскій языкъ, то онъ понялъ-бы, что одинъ изъ незнакомцевъ — отецъ дѣвочки — былъ директоромъ того самаго рудника, на которомъ работалъ дядюш-

ка Григорій Семенычъ. Онъ ѣхалъ теперь со станціи къ себѣ домой. Его дочь звали Марусей, а тотъ господинъ, который ѣхалъ вмѣстѣ съ ними въ экипажѣ, былъ инженеромъ того-же рудника.

— Садись съ нами! обратился къ Володѣ директоръ и снова загадочно посмотрѣлъ на инженера. — Мы подвеземъ тебя на Вишерскій рудникъ!

Глаза мальчика засвѣтились благодарностью.

— Садись-же скорѣе! сказалъ ему инженеръ.

— Можно съ собакой? спросилъ его Володя.

— Ну, собаку-то ты можешь оставить и здѣсь! На что она нужна!

Мальчикъ помялся.

— Нѣтъ ужъ... сказалъ онъ. — Позвольте мнѣ идти пѣшкомъ! Я этой собаки не брошу никогда!

И онъ сдѣлалъ два шага отъ экипажа.

— Благодарю васъ за вашу доброту!.. сказалъ онъ. — Я дойду и пѣшкомъ!

Онъ приподнялъ фуражку и низко поклонился.

— Не пускай его, папа! вдругъ воскликнула дѣвочка. — Онъ здѣсь заблудится одинъ и умретъ. Возьми съ собой и собаку!

Отецъ посмотрѣлъ на нее, улыбнулся и уступилъ. Всѣ трое въ экипажѣ раздвинулись по сторонамъ и дали Володѣ мѣсто. Собаку уложили у ногъ.

— Трогай, Лука! сказалъ директоръ.

Кучеръ дернулъ вожжами и лошади помчались.

Лѣсъ скоро окончился и потянулась опять степь, ровная, какъ столъ. Взошла поздняя, красная уцербавшаяся луна и при ея свѣтѣ Володя увидалъ засѣянные пшеницей и рожью поля и кое-гдѣ торчавшія какія-то вышки, вѣроятно имѣвшія какое-нибудь отношеніе къ добыванію угля. А затѣмъ впереди замелькали огоньки, показались высокія трубы, которыя дымили, не смотря на ночь, и скоро мимо экипажа потянулись какія-то странныя, невиданныя постройки и откуда-то издалека стало доноситься шипѣніе пара.

Это и былъ Вишерскій рудникъ. Бродили какія-то тѣни между маленькихъ домиковъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ вокругъ большого завода, и, свернувъ съ дороги, къ одному изъ нихъ и подѣхалъ экипажъ.

— Ну, вылѣзай! обратился директоръ къ Володѣ, которому показалось страннымъ, что такіе знатные господа подѣхали къ такому обыкновенному, простому жилищу. — Мы приѣхали.

Володя сошелъ съ экипажа и къ его удивленію прыгнулъ съ него и самъ Волчокъ. Оба господина и дѣвочка тоже подошли къ двери.

Директоръ постучалъ согнутымъ указательнымъ пальцемъ въ дверь.

— Эй, Григорій! крикнулъ онъ.—
Отворяй скорѣе! Мы тебѣ что-то
привезли!

— Мы тебѣ привезли твоего племянника.

По ту сторону двери послышались шаги, сквозь щели мелькнулъ свѣтъ, раздавался звукъ отпираемаго замка и вслѣдъ затѣмъ на порогѣ показался самъ Григорій Семенычъ Куликовъ. Увидѣвъ передъ собою своихъ директора и инженера, онъ смутился и не зналъ, зачѣмъ они къ нему пришли.

— Мы тебѣ привезли твоего племянника! обратился къ нему директоръ.

Григорій Семенычъ навелъ на мальчика фонарь и такъ и ахнулъ отъ удивленія.

— Батюшки-свѣты! воскликнулъ онъ.— Откуда-же вы его взяли? Какой онъ большой? Вотъ не ожидайте-то его именно сейчасъ!

И онъ обнялъ его свободной рукой и прижалъ его къ себѣ. Ободренный его лаской, мальчикъ бросился къ нему на шею и сталъ его цѣловать.

— Какъ ты на него похожъ! бормоталъ въ это время Григорій Семенычъ.— Какъ ты похожъ на своего отца! Вылитый отецъ! Но какъ ты сюда попалъ? Какъ ты добрался сюда въ такой поздній часъ?

— Это мы его привезли, отвѣтилъ инженеръ.— Вотъ господинъ директоръ и я. Мы встрѣтили его на дорогѣ и взяли съ собой. Онъ расскажетъ вамъ все самъ!

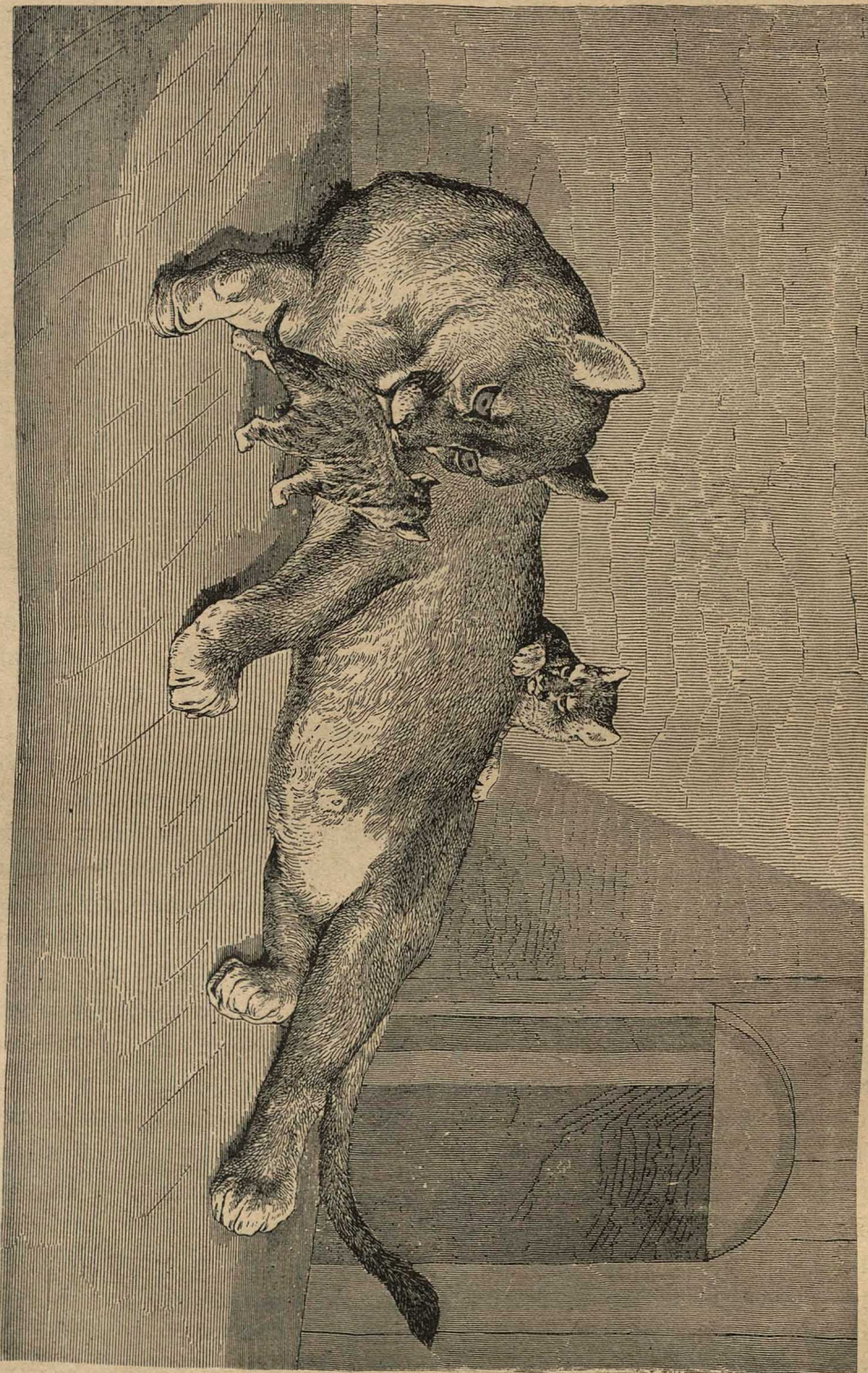
— Благодарю васъ, благодарю, дорогіе господа! залепеталъ Григорій Семенычъ.— Самъ Богъ васъ не оставитъ за это и вознаградитъ сторицей. Покорнѣйше васъ благодарю! Ужъ не знаю, какъ мнѣ васъ и благодарить.

И еще долго онъ и его племянникъ изливали передъ господами свою благодарность.

— Ну, намъ теперь пора! сказалъ наконецъ директоръ и направился къ экипажу.— Насъ тоже дома ждутъ...

Какъ вдругъ Маруся подскочила къ Володѣ и стала его просить:

— Отдай мнѣ твою собаку, ска-

Лявица въ нощта.

Кукушка.

зала она.—Мнѣ такъ хочется, чтобы она была моей! Можно? Отдашь?

Володя смутился и не зналъ, что ему отвѣчать. Отдать собаку, которую онъ несъ на плечахъ и которую онъ спасъ такъ-же, какъ спасли они и его самого? Отказать этой дѣвочкѣ, которой онъ былъ, обязанъ тѣмъ, что ея отецъ подобралъ его на дорогѣ? И онъ долго не могъ рѣшиться, и не зналъ, какъ поступить, пока наконецъ долгъ не взялъ въ немъ перевѣсъ надъ чувствомъ и не заставилъ его пожертвовать своимъ удовольствіемъ для другихъ. И онъ взялъ Волчка за шею и подвелъ его къ Марусѣ.

— Если онъ вамъ такъ нравится... отвѣтилъ онъ и голосъ его дрогнулъ, — то будьте любезны, возьмите его себѣ.

Дѣвочка взвизгнула отъ радости и стала звать за собой Волчка. Но онъ не слушался ея и не отходилъ отъ своего новаго господина. Тогда съ козелъ спрыгнулъ кучеръ, схватилъ его въ охабку и насильно отнесъ въ экипажъ. Лошади фыркнули и помчались и еще долго до ушей Володи доносилось жалобное визжанье Волчка.

Со слезами на глазахъ онъ вошелъ въ жилище своего дяди. Увидѣвъ его, тетка и двоюродная сестра обрадовались, бросились къ нему, стали его обнимать, цѣловать и кончилось тѣмъ, что тетка отъ радости стала плакать.

— Голубчикъ ты мой... причитала она.—Сироточка ты мой несчастный!

И долго еще онъ переходилъ изъ рукъ въ руки и испытывалъ на себѣ причитанія и поцѣлуи.

Тетка Наталія Ивановна, была еще миловидна и сравнительно моложава, не смотря на свои 38 лѣтъ. Ея дочь Настя—очень милая дѣвушка лѣтъ 17-ти, была нѣсколько блѣдна и худоцава, какъ и всѣ работницы ея возраста. Но выраженіе ея лица было привѣтливое и въ ея голубыхъ умныхъ глазахъ было что-то такое, что напоминало Володѣ его умершаго отца.

— Онъ усталъ съ дороги, сказала она матери.—Надо его покормить и дать ему отдохнуть. Отложимъ разговоръ и изліянія до завтра!

Наталія Ивановна полѣзла въ печь, достала оттуда горшокъ со щами и дала мальчику поѣсть, тогда какъ Настя стала готовить для него постель въ какой-то сосѣдней комнаткѣ, похожей на чуланчикъ. Когда все было готово, дядя взялъ за руку племянника и сказалъ:

— У насъ тебѣ будетъ не такъ удобно, какъ въ городѣ, но что дѣлать? У насъ есть подъ лѣстницей чуланчикъ и мы съ удовольствіемъ предоставимъ его тебѣ. Ты не бойся, онъ—теплый! Поспи въ немъ сегодня ужъ какъ-нибудь, а завтра мы вытащимъ изъ него

всѣ узлы и разный хламъ и устроимъ тамъ тебѣ постель. Какъ-нибудь ужъ размѣстимся всѣ!

Володя посмотрѣлъ на него съ благодарностью.

— Не безпокойся, дядя, отвѣтилъ онъ. — Я не ожидалъ отъ всѣхъ васъ такого ласковаго приема!

Дядя провелъ его въ чуланчикъ, перекрестилъ его, пожелалъ ему спокойной ночи и оставилъ его одного.

На слѣдующее утро Володя проснулся поздно, быстро вскочилъ, одѣлся, умылся и вышелъ чистенькій и аккуратненькій въ общую комнату. Здѣсь онъ засталъ одну только тетю и еще какую-то незнакомую дѣвочку лѣтъ девяти. Это была Анюта — воспитанница Наталіи Ивановны. Когда-то ее подкинули къ крыльцу дома Григорія Семеныча и, вмѣсто того, чтобы отдать ее въ Воспитательный домъ, добрая женщина взяла ее къ себѣ и воспитала, какъ родную дочь.

Девять лѣтъ тому назадъ, когда Григорій Семеновичъ не служилъ еще на шахтѣ, а жилъ съ женой и дочерью на дальнемъ Югѣ въ Таганрогѣ, для него это было неожиданнымъ происшествіемъ.

Онъ только что вернулся изъ гавани домой, гдѣ грузилъ на пароходъ пшеницу, и только что взялся за ложку, чтобы утолить свой голодъ, какъ кто-то вдругъ постучался къ нимъ въ окно.

Была глухая осенняя ночь. По

небу ползли темныя, тяжелыя тучи, дулъ рѣзкій сѣверо-восточный вѣтеръ и было похоже на то, что хочетъ уже установиться зима. Снѣгу еще не было и слышно было, какъ вдалькѣ ревѣло расходившееся море.

— Ну, погода! проговорилъ Григорій Семеновичъ. — Такъ дуетъ вѣтеръ, точно кто-то стучитъ къ намъ въ ставень. Что дѣлается на морѣ, такъ просто—бѣда! Такъ и рветъ вѣтеръ въ разныя стороны, такъ и сшибаетъ съ ногъ! Просто не знаешь, какъ отъ него и согрѣться!

И вдругъ стукъ въ ставень раздался во второй разъ. Кто-то часто и громко постучался въ окошко и, какъ показалось Григорію Семеновичу, отскочилъ сразу-же отъ него прочь.

Наталія Ивановна насторожилась.

— Святъ, святъ, святъ!.. сказала она.—Кто-бы это стучалъ?

Въ это время порывъ вѣтра налетѣлъ на домишко, въ которомъ онъ жили, загудѣлъ въ трубѣ, потрясъ крышей и застучалъ голымы вѣтками акаціи по ея боку. Наталія Ивановна приподнялась съ мѣста.

— Пойти развѣ посмотрѣть, кто это стучитъ? сказала она.

— Не ходи! отвѣтилъ Григорій Семеновичъ.—Это вѣтеръ!

Но не прошло и минуты, какъ стукъ раздался въ третій разъ и

на этотъ разъ уже не въ окно, а въ дверь. У Наталіи Ивановны похолодѣло подѣ сердцемъ и задрожали колѣни.

— Слышишь? встревожилась она.—Теперь уже въ дверь! Я пойду, отворю...

Григорій Семеновичъ утеръ губы рукавомъ и направился къ двери.

— Не ходи, сказалъ онъ.—Кто его знаетъ, кто тамъ стучитъ!... Не ровень часъ! Пойду лучше я!

И онъ пошелъ въ сѣни и отворилъ дверь. Зазвучалъ стукъ желѣзнаго крюка и въ комнату ворвалась струя свѣжаго воздуха. Затѣмъ онъ вернулся и внесъ какой-то узелъ, изъ котораго доносились не то мяуканье кошки, не то плачь новорожденнаго ребенка.

— Что такое? встревожилась Наталія Ивановаа.

— Ребенокъ! отвѣтилъ Григорій Семеновичъ.—Подкинулъ кто-то!

— Спаси и помилуй, Царица Небесная! перекрестилась Наталія Ивановна.—Этого еще не доставало! Куда мы его дѣнемъ?

Она подошла къ узлу и стала его разворачивать. Маленькій красненькій младенецъ лежалъ въ немъ и сосалъ себѣ кулачекъ. Григорій Семеновичъ и Наталія Ивановна нагнулись надъ нимъ, стали его разсматривать, а онъ вынулъ кулачекъ изо рта, сморщилъ мордочку и чихнулъ три раза подрядъ.

— Будь здоровъ! сказала На-

талія Ивановна.—Рости большой!

Она умѣло взяла его на руки, осмотрѣла его со всѣхъ сторонъ и ей вдругъ страшно, невыносимо жалко стало младенца.

— Что-же ты теперь намѣрена съ нимъ сдѣлать? спросилъ ее Григорій Семеновичъ.—Какъ намъ поступить?

Наталія Ивановна провела рукой по лбу.

— А какъ поступить? отвѣтила она.—Разумѣется надо оставить! Намъ ребенка подкинули, мы и должны его воспитать! Вѣдь не щенокъ! Щенка и того жалко!

Григорій Семеновичъ позабылъ и объ ужинѣ.

— Разумѣется, жалко!.. сказалъ онъ.—Давай, жена, возьмемъ его себѣ! У насъ только одна дочь—Настя, пусть и эта останется у насъ!

Наталія Ивановна согрѣла самоваръ, влила въ корыто горячей воды и выкупала въ немъ младенца. Послѣ купанья онъ скоро задремалъ, она положила его въ корзину отъ бѣлья и долго еще сидѣла около него и напѣвала ему пѣсни, какъ въ былое время дѣлала это надъ Настей. Ребенокъ оказался дѣвочкой.

— Да крещена-ли она? обратился къ женѣ Григорій Семеновичъ.

Она молча показала ему на висѣвшій на дѣвчкѣ крестъ. Онъ

былъ дорогой, изъ массивнаго золота и съ одной стороны, въ серединѣ его была вдѣлана жемчужина, а съ другой были вырѣзаны двѣ буквы „А. Н.“

— А какъ ее зовутъ? спросилъ Григорій Семеновичъ.

— Не знаю, отвѣтила Наталья Ивановна.

Когда ребенокъ заснулъ совсѣмъ, она отошла отъ него и занялась разборкой его тряпья. Все это, за исключеніемъ сорочки и чепчика, представляло собою жалкія лохмотья. Сорочка-же и чепчикъ были изъ тонкаго голландскаго полотна. И вдругъ подъ рукою у Натальи Ивановны что-то зашелестѣло. Это оказалась записка. Она развернула ее, поднесла къ лампочкѣ и стала читать:

„Простите Христа-ради, но только примите этого младенца къ себѣ. Я подкидываю его оттого, что бѣдна и не имѣю средствъ его содержать. Онъ крещенъ, но какъ его имя, я не знаю. Въ прошломъ мѣсяцѣ я ѣхала по желѣзной дорогѣ и между станціями Гришухино и Кубышками нашъ поѣздъ сошелъ съ рельсовъ и свалился съ насыпи. Произошло крушеніе и четыре вагона разбились въ щепы. Когда я очнулась, то услышала стоны и крики пострадавшихъ. Около меня оказался чей-то маленькій ребенокъ, который плакалъ. Я поднялась, взяла его на руки и, чувствуя головокруже-

ніе и боль въ спинѣ, поднялась на насыпь. Была ночь, не было видно ничего и только свѣтили два фонаря на локомотивѣ, который уцѣлѣлъ и невредимо стоялъ на насыпи. Внизу все еще стонали раненые, суетились какіе-то люди, а затѣмъ я снова лишилась чувствъ. Когда же я пришла въ себя, то была уже въ комнатѣ и лежала на кровати. Около меня также оказался и тотъ ребенокъ, котораго я спасла.— „Не бойся,— обратилась ко мнѣ сидѣлка,— твой ребенокъ здоровъ и невредимъ!“ Я отвѣтила:— „Это не мой ребенокъ, это чей-то чужой, а я его только подобрала!“ Она усмѣхнулась и сказала другой сидѣлкѣ:— „У бѣдной бабы отшибло умъ: она такъ испугалась катастрофы, что даже своихъ не узнаетъ!“ И какъ я ни увѣряла ихъ, что ребенокъ не мой, мнѣ не повѣрили и выпустили меня изъ больницы, а я взяла ребенка и пошла съ нимъ на всѣ четыре стороны. Долго я ходила отъ одного челоувѣка къ другому и просила взять отъ меня младенца и навести справки, чей онъ, но всѣ мнѣ отказали и только обижали меня, говоря, что я хочу отдѣлаться отъ своего же собственнаго ребенка. Я неопытная женщина, не знаю теперь, какъ мнѣ быть и къ какому начальству обратиться. Но я услышала, что вы—хорошіе, добрые люди, и вотъ поручаю не-

счастливаго младенца вамъ. Простите Христа-ради и пожалуйте бѣдную сироту“.

Наталія Ивановна и Григорій Семенычъ перемянулись.

— Ну, что ты объ этомъ думаешь, жена?—спросилъ Григорій Семенычъ.

— Бѣдное, бѣдное дитя!—воскликнула Наталія Ивановна и слезы заструились у нея по щекамъ.— Судя по кресту и по рубашечкѣ, навѣрное—это дочь богатыхъ родителей. Но гдѣ они? Какъ ихъ отыскать? Да и живы-ли еще они?

Они оставили дѣвочку у себя. Утромъ Григорій Семенычъ отправился въ участокъ, чтобы заявить тамъ о случившемся, и ему тамъ посоветывали обратиться въ сыскное отдѣленіе и напечатать въ газетѣ объявленіе: быть можетъ, найдутся родители дѣвочки. Но они такъ и не нашлись. А тѣмъ временемъ Наталія Ивановна и Настя все больше и больше привязывались къ дѣвочкѣ, да и самому Григорію Семенычу уже жаль было бы отдавать ее другимъ. И они рѣшили оставить ее у себя совсѣмъ. Получивъ на это разрѣшеніе отъ полиціи, они долго разсуждали, какъ ее называть. Дѣвочка была уже крещена, крестить ее во второй разъ было уже нельзя, но и оставаться безъ име-

ни ей тоже было невозможно. Тогда они отправились къ мѣстному священнику отцу Василюю и онъ, помолившись Богу, далъ ей имя Анна.

И стала съ той поры дѣвочка Анютой. Она ничего не знала о своемъ происхожденіи, искренно вѣрила въ то, что она—дочь Наталіи Ивановны и сестра Насти, и воспитывалась, какъ дочь простаго человѣка. Чтобы она не догадалась о своей судьбѣ и чтобы въ ея голову не приходили лишнія мысли, которыя могли бы смутить ее и нарушить ея спокойствіе, Наталія Ивановна сняла съ нея ея крестъ и вмѣстѣ съ чепчикомъ и сорочкой упрятала его на самое дно сундука.

А затѣмъ вся семья переѣхала сюда, на Вишерскій рудникъ. Григорій Семенычъ поступилъ на шахты, а Анюта и Настя такъ и не узнали никогда, что произошло когда-то въ темную ноябрьскую ночь.

Володя тоже этого не зналъ. Онъ слышалъ, что у его дяди была одна только дочь Настя, но когда пріѣхалъ въ Вишерскій рудникъ и увидѣлъ, что ихъ у него двѣ, то такъ и рѣшилъ, что о второй изъ нихъ, о младшей, не зналъ даже и его покойный отецъ.

А. Ж.

(Продолженіе слѣдуетъ)

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Названія какихъ звѣрей заключаются въ слѣдующихъ фразахъ:

1. Корабль теченіемъ унесло на далекое пространство отъ берега.

2. На этомъ лужку ни цапля, ни журавль поселиться не могутъ.

3. Голенькій охъ, а за голенькимъ Богъ!

4. У насъ холодный климатъ и потому многіе на зиму запасаются дровами.

5. Вокругъ нашей усадьбы лѣсисто и горно; стайками летаютъ дикіе гуси, но дичи вообще мало.

6. Этотъ купецъ — уже банкротъ: онъ никому не платитъ долговъ.

7. Прошла гроза съ такимъ ливнемъ, что стали топки и мокры самыя сухія мѣста.

8. Отодвиньте диванъ и поставьте на его мѣсто кровать; я сейчасъ лягу; шкафъ-же и кресла вынесите, когда я уже проснусь.

9. Уже давно соръ огромными кучами лежитъ у порога и его никто не замѣчаетъ. Подметите его!

10. Пустынникъ вышелъ къ ожидавшимъ его благословенія и тихо рекъ: — Братіе, давайте каяться во грѣхахъ!

II.

Почему пароходъ отходить отъ берега, какъ только завертятся въ немъ колеса?

III.

Слово состоитъ изъ 13 буквъ: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13. Буквы 5, 11, 9, 3, 2, 7, 13 означаютъ силу природы, 7, 8, 5, 6, 7, 13 — овощъ, 5, 6, 1, 11, 1, 6, обезьяну, 5, 11, 7, 4, 5, 6, 7, 2, 1, 11 — названіе науки, 12, 6, 1, 2, 10, 13 — индійскаго фокусника, 9, 10, 6, 12, 2, 7, 13 — то, изъ чего дѣлаются карандаши, 12, 10, 6, 1, 13 — мужской костюмъ, 7, 6, 7, 11, 10, 2, 3, 13. — человѣка монгольскаго племени, 9, 2, 7, 11, 10, 6 — музыкальный инструментъ, 11, 10, 8, 5, 11, 7, 13 — пріятный запахъ, 11, 10, 12, 6 — древній струнный инструментъ.

Найти эти слова и задуманное слово, которое означаетъ недавнее изобрѣтеніе, доставляющее зрителямъ большой интересъ.

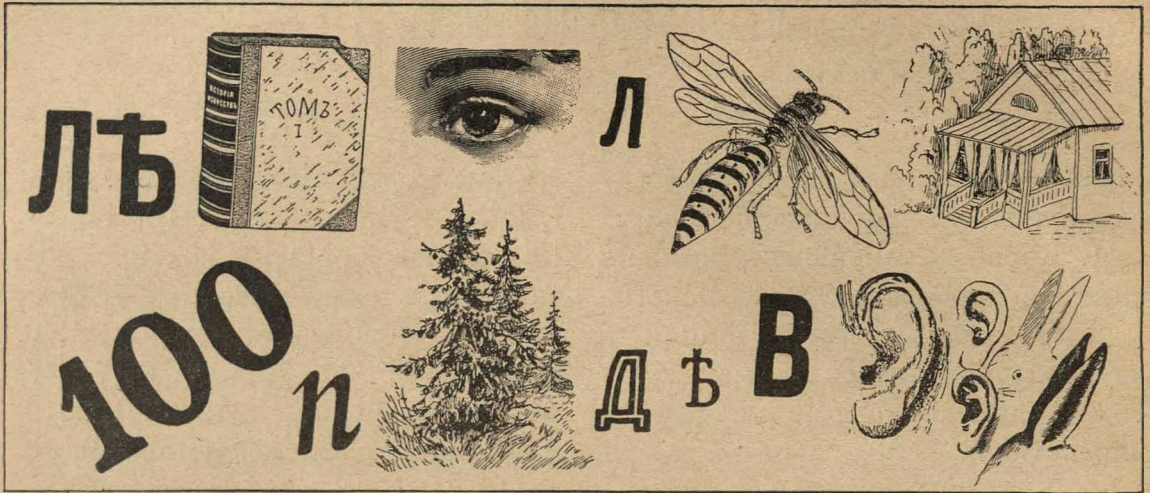
IV.

Во мнѣ нѣтъ сердца, но я близко отношусь и къ радости, и къ горю человѣка. Я не имѣю горла, но громко кричу. Я имѣю уши, но ими не слышу, и языкъ, но имъ не говорю. Я подаю голосъ только тогда, когда меня ударятъ по щекамъ. Кто я?

V.

Почему люди покупаютъ къ чаю булки?

Ребусъ № 1.

(Фамилии подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ головоломки или ребусъ, будутъ напечатаны).

Рѣшенія головоломокъ и ребуса помѣщенныхъ въ № 23 „Золотого Дѣтства“:

Головоломки: I. Стеаринъ. П., Кострома. III., Петербургъ, Москва.

Ребусъ № 19. У о + пушки на л + у + гуси + д + ели + дѣв + очки + сь лукошка + ми + и + ели + я + годы = У опушки на лугу сидѣли дѣвочки и ѣли ягоды.

Рѣшеніе головоломокъ и ребуса, помѣщенныхъ въ № 24 „Золотого Дѣтства“.

Головоломки. I., Пи + сто лѣтъ = = пистолетъ. II., со + ло + вей = = соловей. III., Молоко, перо, голова, = корова. III., Серебро, балалайка, канарейка = со + ба + ка = = собака. IV., Чудо, крыло, копыто = долото. V., мокрый и красный. VII., За бортомъ парохода; по волнамъ. VIII., Сажа, поле, гитара = сапоги. IX., бумага, столица, канарейка = малина.

Ребусъ № 20. Д + оса + дно + е + слива + м + не + уда + лось + на братъ + ся за лѣ + т = оси + лѣ = Досадно,

если вамъ не удалось набраться за лѣто силъ.

Впрямь рѣшенія прислали: Нина Попова изъ Голодаевки, Марфуша Датченко, Андриуша Федотовъ — донской казачекъ и его тетя — Тая Волкова изъ Щучина, Стасюня Тодеско изъ Губиба, Сережа Тушканчикъ, Валя, Аня, Лена и Варя изъ Ульяновки, Женя Стрекоза, Витя Семеновъ, Боря Дзѣвановскій, Настя Ширяева, „Золотая Дѣтка“, Нина Миллеръ изъ Удѣльной, Маруся, Миша и Коля Побѣдимовы, „Роза Кристи“, Настя Золотарева изъ Новогеоргиевска, Оля Казенина изъ Москвы, М. Шифринъ, Толя, Саша и Вѣра изъ Нѣжина, Петя Сусликовъ, Женя, Жоржикъ и Павля Мацулевичъ въ Спб., Петя Авдѣевъ, Мариша Петрова, Ольга Енакіева въ Спб., Игорь Максимовъ изъ Удѣльной, Нина Метлина, Надя Кусаева, Тамара Джавахова изъ Бердянска, Тася Нейшильдъ изъ Спб., Нюра Сѣверьянова изъ Бердянска, Мусикъ и Дусикъ, Николай Петровъ изъ Уфы, Валентинъ Шпаковский изъ Острова, Лидія Долгополова изъ Кіева, Марочка Бергъ, Сережа Карташовъ изъ Чугуева, Ангелина Луцкая изъ Ростова-на-Дону, Слава и Люся Василенко изъ Харьковъ, Кто-то безъ подписи на розовой бумагѣ съ птичкой, Нина Каменская, Евгенийъ, Владимиръ и Георгій Конрады въ Спб. Голубая сница и Драчунъ-Воробей изъ Вильны, Сонечка Фрискъ, Надя Бауеръ со ст. Неклочь, Муся Визи въ Спб., А. Шелехова въ Спб., В. Дьяконовъ въ Спб., Викторъ Вальцгеферъ изъ Касимова, Плишь и Плумъ, Маруся, Наточка и Нелли Гурьяновы, Володя Мослицынъ изъ Куртамышъ, Лена, Вѣра и Борисъ С. изъ Ташкента, Тима Асмаевъ, Женя Ревенко, Л. Захари, Слава и Люся Василенко, З. Сапожкова, В. Крикмейеръ, Л. Фигурская, Н. Бауеръ, Галя Ротмистрова.

ПОДПИСНОЙ ГОДЪ СЪ 1-ГО НОЯБРЯ.

Годъ изданія пятый.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1912 годъ

на художественно-литературный журналъ

ДЛЯ ДѢТЕЙ (7—12 лѣтъ)

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ) подъ редакціей М. П. Чехова.

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій, дѣти въ «Золотомъ Дѣтствѣ» найдутъ: повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарады и проч. и проч.

При каждомъ номерѣ приложенія: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе «Золотого Дѣтства».

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

- 24 **НОМЕРА** журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.
- 24 **ПРИЛОЖЕНІЯ** для склеиванія (игры, домики, научныя развлеченія и проч. и проч.).
- 12 **ВЫРѢЗНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ** для дѣтскихъ костюмовъ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

Особое приложеніе: книга рассказовъ и повѣстей для дѣтей со многими рисунками въ текстѣ:

„ВЪ УЮТНОМЪ УГОЛКѢ“.

Въ нее войдетъ большая повѣсть

„Маленькій матросъ“.

Головоломки и ребусы, помѣщаемые въ «Золотомъ Дѣтствѣ», являются интереснымъ развлеченіемъ для дѣтей, приучающимъ ихъ ориентироваться въ «царствѣ смѣлкаки».

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровский проспектъ, 22, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

3 р. 80 к.